

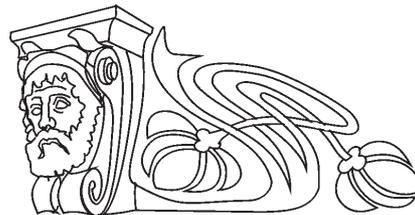

УДК 165.0

ДЕФЛЯЦИОНИЗМ, КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ТЕОРИЯ РЕФЕРЕНЦИИ

Л. Д. Ламберов

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
E-mail: l.lamberov@gmail.com

Статья посвящена исследованию дефляционных теорий референции, т. е. взаимоотношений таких понятий, как истина, значение, референция и контекстуальность; анализируются ключевые дефляционные теории референции – П. Хорвича и А. Бавэ. Демонстрируется, что дефляционные теории референции могут быть построены в соответствии с принципом контекстуальности (с использованием понятия диспозиции).

Ключевые слова: дефляционизм, референция, значение, контекстуальность, диспозиции.

Deflationism, Contextuality and the Theory of Reference

L. D. Lamberov

The paper deals with deflationary theories of reference, that is with the study of the relationship between such concepts as truth, meaning, reference, and contextuality. The paper analyzes the key deflationary theory of reference – P. Horwich's and A. Båve's theories. The result shows that the deflationary theory of reference can be formulated in accordance with the principle of contextuality (using the notion of disposition).

Key words: deflationism, reference, meaning, contextuality, dispositions.

Несмотря на то что понятие истины играет весьма важную роль в объяснении «работы» языка, попытки использования дефляционизма в исследовании семантических понятий значения и референции практически не предпринимались. Настоящая статья посвящена исследованию проблем референции с точки зрения дефляционизма. Коротко говоря, дефляционизм относительно истины может быть определен как теория истины, согласно которой это понятие понимается как метафизически пустое, выполняющее в языке специфические логико-лингвистические функции (обобщение, косвенная речь, «семантическое восхождение»), полностью объяснимое при помощи схемы эквивалентности¹. Можно выделить общую форму дефляционной схемы эквивалентности, она соответствует следующей схеме:

$$\langle p \rangle \text{ истинно} \equiv p. \quad (DT)$$

В схеме (DT) под « p » могут пониматься как предложения, так и другие носители истинности (пропозиции, убеждения, высказывания и т. д.). Соответственно, в зависимости от того, что по-

нимается под « p » и каков характер связи между левой и правой частями эквивалентности, из схемы можно получить любой вариант дефляционной теории истины.

Против дефляционных теорий истины было выдвинуто множество аргументов, коротко рассмотрим один из них². Указанный аргумент состоит в критике схемы (DT) и любой ей подобной на том основании, что левая и правая её части не являются взаимозаменяемыми во всех случаях. Данный аргумент может быть сформулирован по крайней мере двумя способами: согласно схеме эквивалентности мы можем осуществлять переход от « p » к « $\langle p \rangle$ истинно» и обратно. Далее: « p » может оказаться ни истинным, ни ложным, тогда левая часть схемы будет ложной. В то же время правая часть схемы не будет ни истинной, ни ложной. Последнее означает, что схема эквивалентности выполняется не всегда; для того чтобы левая и правая части схемы (DT) оказались взаимозаменяемыми, необходимо, чтобы « p » обозначало, что p . В чистом виде дефляционные теории истины (абстрактные типы этих теорий) не могут гарантировать, что « p » обозначает именно то, что p . Поэтому дефляционные теории не могут гарантировать, что схема выполняется в любом контексте (проблематичным оказывается неэкстенциональный контекст).

Эта проблема не возникает перед дефляционными теориями, которые в качестве носителей истинности (т. е. подстановок вместо « p ») используют пропозиции³. Тем не менее указанная проблема может быть преодолена и в случае использования предложений (или каких-либо других неинтерпретированных носителей истинности). Данная проблема «работает» только в том случае, когда истина понимается в качестве свойства в обычном смысле. Если же истина не является субстанциональным свойством, а схема (DT) понимается как переход от одних утверждений к другим, то нас совершенно перестает интересовать фактическое истинностное значение p . Каким бы ни было p – истинным, ложным или ни тем ни другим, – в речи мы всегда с помощью схемы эквивалентности можем осуществлять логические переходы. Так, мы можем определить, что схема (DT) демонстрирует нам то, как логически функционирует понятие истины (истинностный предикат), т. е. то, какие выводы (шаги вывода) можно делать в тех

или иных случаях. Следует, правда, оговаривать *готовность* говорящего взаимозаменять левую и правую части схемы в каждом отдельном случае⁴. Таким образом, схему (DT), в случае когда в качестве носителей истинности принимаются предложения, необходимо дополнять специфическим внешним теоретическим условием – объяснением того, при каких условиях говорящий *готов* производить указанную замену; в качестве такого дополнения могло бы служить, например, специфическое прагматическое или прагматико-эпистемическое объяснение, т. е. данное решение обращается к принципу контекстуальности, роль которого выполняет внутренняя диспозиция конкретного говорящего взаимозаменять левую и правую части схему.

Используя понятие контекстуальности, т. е. вводя специальный прагматический принцип, мы получаем возможность эпистемически подойти к определению значения языкового выражения. В частности, как это представляется, теперь мы можем отделить ситуации, когда говорящий обладает знанием значения того или иного предложения и когда он таким знанием не обладает. Рассмотрим следующую пару предложений:

- необходимо, что $2 + 2 = 4$; (1)
 необходимо, что « $2 + 2 = 4$ » истинно. (2)

Очевидно, что взаимозаменить $2 + 2 = 4$ на $< 2 + 2 = 4 >$ истинно в (1) и (2) мы можем лишь тогда, когда нам известно, что выражение $2 + 2 = 4$ говорит именно о том, что $2 + 2 = 4$ ⁵. Однако описанный только что прагматический диспозиционный принцип позволяет определить, что если некий отдельно взятый говорящий имеет диспозицию взаимозаменять соответствующие части из (1) и (2), то он обладает знанием значения выражения $2 + 2 = 4$. Более того, зная, что этот говорящий имеет диспозицию взаимозаменять соответствующие части из (1) и (2), и зная их, мы можем сделать вывод о том, что выражение $2 + 2 = 4$ в языке⁶ конкретного рассматриваемого говорящего означает, что $2 + 2 = 4$.

Далее рассмотрим, как понятие контекстуальности может быть использовано в дефляционных теориях референции, и обратимся к двум широко обсуждаемым дефляционным теориям – П. Хорвича⁷ и А. Бавэ⁸. Если в рамках дефляционизма понятие истины определяется при помощи специальной схемы, то следует ожидать, что и дефляционное понятие референции может быть определено через схему. За этим ожиданием стоит интуиция о связи семантических понятий (истины, значения и референции) друг с другом: 1) говорящий знает значение языкового выражения тогда, и только тогда, когда может указать, при каких условиях данное выражение истинно; 2) значение предиката определяет его объем. Таким образом, понятие значения выступает своего рода связующим звеном между истиной и

референцией либо возможен такой вариант, при котором значение и референция оказываются, говоря метафорически, двумя сторонами одной медали функционирования языка⁹.

Дефляционное объяснение понятий референции и истины приписывает им определенный дисквотационный характер. Как уже было указано, основным моментом дефляционных теорий истины, использующих схему (DT), является утверждение о том, что истина представляет собой логический инструмент для перехода от одних утверждений к другим. В частности, схема эквивалентности позволяет закавычивать/раскавычивать рассматриваемое утверждение. Подобный же дисквотационный характер приписывается и понятию референции. В частности, ключевым пунктом дефляционных теорий референции¹⁰ является принятие в том или ином виде схемы референции: « n » указывает на n (в дальнейшем эта схема будет обозначаться как R). В частности, эта схема может интерпретироваться в отношении токенов: токены $*n*$ указывают на n . Заключение « n » в особые кавычки «*» означает, что « n » берется не просто с фонетической «стороны», но и с учетом его значения. Также эта схема может быть переформулирована в отношении конститuent пропозиций (где « $<n>$ » – конститuent пропозиции):

$$(x) [<n> \text{ указывает* на } x \equiv (n = x)]^{11}.$$

Теория референции, выстраиваемая на основе дефляционной теории истины, использующей схему (DT) как объясняющую понятие истины для предложений (или каких-либо других носителей истинности кроме пропозиций), по мнению А. Бавэ, имеет серьезные ограничения¹². Во-первых, следует отметить, что в рамках дефляционизма о непропозициональных носителях истинности схема (DT) играет роль своего рода посредника для истинности, т. е. при рассмотрении любого подстановочного случая схемы (DT) мы подразумеваем, что истинность непропозиционального носителя истинности зависит только от того, имеет ли место некий факт. Эта сложность заключается в том, что значение непропозиционального носителя истинности не дано нам с необходимостью и априорно – фактически, значения являются конгингентными *a posteriori*. Также связь между неким референциальным выражением и тем, на что оно указывает, не обладает необходимым характером. Поэтому схема (R), если она интерпретирована в отношении непропозициональных конститuent, требует либо отказа от дефляционного характера теории референции, либо расширения дефляционной теории путем добавления новых аксиом референции.

Такие дополнительные аксиомы были введены в теорию референции П. Хорвичем¹³. По его мнению, значение слова «указывает» или выражения «осуществляет референцию» в таких утверждениях, как «'Луна' указывает на Луну»

или «'Самое большое простое число' осуществляет референцию к самому большому простому числу», состоит в нашей диспозиции принимать эти утверждения. Значение этих выражений схватывается тем, что мы принимаем подстановки в схему (R) подобно нашему принятию подстановок в схему (DT). Дефляционная теория референции должна быть расширена добавлением двух новых схем:

v является корректным переводом
выражения $w \rightarrow (x)$
(v указывает на $x \equiv w$ указывает на x).

$[Int(w) = *n*] \rightarrow (x)$ [w указывает на $x \equiv (x = n)$].

Левая часть второй схемы служит целям «релятивизации» значения и референции относительно говорящего и времени, т. е. «*Int*» – это функция «интерпретационного отображения», которая в зависимости от контекста и аргумента принимает определенное значение, соответствующее контексту. Тем не менее добавление этих аксиом не спасает теории референции, так как сразу же возникает новая проблема – каким образом мы можем использовать при определении референции понятия перевода и контекстуальной зависимости, если у нас еще нет ни понятия референции, ни каких-либо ее критериев. Как раз в разрешении этих проблем и помогает переопределение понятия референции для непропозициональных выражений через понятие референции конституент пропозиций, т. е. переопределение понятия указания через понятие указания*. Если ранее понятие указания относилось к референции пропозициональных конституент, то понятие указания* призвано объяснить референцию для непропозициональных конституент. Для этого в первую очередь потребуется схема референции в отношении конституент пропозиций, которая приводилась ранее как один из вариантов схемы (R):

(x) [$\langle n \rangle$ указывает* на $x \equiv (n = x)$].

Далее мы можем определить понятие референции, используя эту схему¹⁴:

w указывает на $x \equiv Ek$
[(w выражает k) & (k указывает* на x)].

Таким образом, мы избавляемся от противоречия между теорией референции и нашими интуициями о связи языковых выражений, их значений и их референции.

Другой, похожий подход к понятию референции был выдвинут А. Бавэ¹⁵. С его точки зрения, необходимо сначала дать определение термину «говорить о», «относительно», а затем с его помощью определить понятие референции¹⁶. Для этого вводится специальная схема:

$S(t)$ говорит о t . (A)

В ней « $S(t)$ » представляет собой контекст предложений, а « t » – референциальное выражение, референцию которого нам необходимо определить. Данная схема может быть обоснована либо с точки зрения дефляционной теории значения (обоснование здесь заключалось бы в указании на диспозиции говорящих принимать все подстановочные случаи этой схемы, данные диспозиции определялись бы значением термина «говорит о»), либо каким-то независимым от дефляционной теории значения способом¹⁷. Далее, используя схему (A), мы можем определить дефляционное понятие референции:

(a указывает на $b \equiv a$ говорит о b).

Более строгий вариант дефляционного определения понятия референции, как показывает А. Бавэ, будет иметь следующий вид:

a указывает на $b \equiv ES [a$ говорит, что $S(b)]$.

Общим пунктом дефляционного определения истины и дефляционного определения референции является то, что и истина, и референция являются специальными логическими инструментами, существенно расширяющими выразительные возможности языка (подразумевается, что понятие референции позволяет осуществлять переформулировку *de dicto* модальности в модальность *de re*)¹⁸. Обратимся к теории референции А. Бавэ. Он предлагает рассмотреть следующий пример: назовем сводой субстанцию, химический состав которой описывается формулой H_2O , тводой – субстанцию с химическим составом XYZ , дводой – все остальные субстанции по вкусу, цвету, запаху и плотности схожие с сводой и тводой. С точки зрения экстернализма¹⁹ терм «вода» в нашем языке указывает на своду, т. е. он используется для того, чтобы *говорить о* своде. И именно этот случай показывает, что, согласно дефляционному определению, понятие референции используется как инструмент формулирования обобщений вида «Экстерналисты используют терм 'Вода', чтобы говорить о своде» из бесконечной конъюнкции вида «Экстерналисты используют терм 'вода', чтобы говорить, что свода мокрая & что свода холодная & что...».

Далее: и теория референции А. Бавэ, и теория референции П. Хорвича предполагают, что понятие референции также является инструментом перехода от *de dicto* модусов речи к *de re* модусам. Разница между *de re* модусами и *de dicto* модусами состоит в том, что в рамках *de re* модуса речь идет непосредственно об объекте некоего содержания (содержания утверждения, убеждения и т. д.). С другой стороны, при *de dicto* модусе речь идет не об объекте непосредственно, но о том, как об этом объекте высказался некий говорящий. Разница между *de re* и *de dicto*

модусами представляется как разница между тем, о чем говорят или мыслят некие субъекты, и тем, что они говорят и мыслят²⁰. Рассмотрим следующую воображаемую ситуацию. Некий астроном-любитель, посмотрев в телескоп, сказал: «Утренняя звезда светится красным». Кроме него в комнате находились еще два человека, и один из них не понял слов нашего астронома. Тогда второй пояснил ему: «Он сказал, что Утренняя звезда светится красным». На что первый ответил: «Венера?». После чего второй пояснил снова: «Да, он сказал о Венере, что она светится красным». Переход от утверждения «Он сказал, что Утренняя звезда светится красным» к утверждению «Да, он сказал о Венере, что она светится красным» является переходом от *de dicto* модуса речи к *de re* модусу.

Другими словами, в *de re* модусе речи нам не важно, как говорил (или мыслил) о некоем объекте собеседник, нас лишь интересует, *что именно* было сказано (непосредственно) об этом объекте. С другой стороны, в *de dicto* модусе учитывается «способ» указания на объект, выбранный собеседником.

Итак, дефляционное истолкование понятия референции объясняет возможность перехода от *de dicto* модуса к *de re* модусу²¹. Рассмотрим, как это описывает П. Хорвич²²:

S убежден, что a есть f , & ($a = b$). (1)

S убежден $\langle f \rangle \langle a \rangle$, & ($a = b$). (2)

$\langle x \rangle$ [$\langle n \rangle$ указывает* на $x \equiv (n = x)$]. (3)

$\langle a \rangle$ указывает* на $b \equiv (a = b)$. (4)

S убежден $\langle f \rangle \langle a \rangle$ & $\langle a \rangle$ указывает* на b . (5)

Ex [S убежден $\langle f \rangle \langle x \rangle$ & x указывает* на b]²³. (6)

Говорящий S может не знать о фактической схожести референции у термов «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда». Также S может не знать о том, что Утренняя звезда и Вечерняя звезда кажутся разными (одна кажется синей, другая – красной). Эти аспекты ничего не меняют.

Таким образом, как было показано, при дефляционном подходе к референции важную роль играет понятие диспозиции – а именно к принятию определенных подстановок в схему (что соответствует принципу контекстуальности), поскольку дефляционные теории истины²⁴, дефляционные теории значения²⁵ и дефляционные теории референции могут быть выстроены исходя из принципа контекстуальности.

Статья выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, проект «Онтологические аспекты дефляционных теорий» (2011–1.3.1–303–013/29).

Примечания

- 1 См.: Ламберов Л. Д. Дефляционные теории истины : проблема обобщенного определения // Вестн. Новосибирск. гос. ун-та. Сер. Философия. 2011. № 3. С. 13–19.
- 2 Например, в своей знаменитой книге П. Хорвич критически анализирует 39 (*sic!*) аргументов (см.: Horwich P. Truth. Oxford, 1998. 176 p.).
- 3 См.: Ламберов Л. Д. Что такое пропозиции? // Analytica. 2007. № 1. С. 50–66. URL: <http://www.analytica-journal.org/pdf/2007-01-05.pdf> (дата обращения: 01.01.2011).
- 4 См.: Ламберов Л. Д., Тарасов И. П. В защиту дефляционной конвенции Т («кантианские темы» в современной эпистемологии) // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. 2010. № 4. С. 50–61.
- 5 В разных языках это выражение может быть предложением истинным или ложным, а может и вовсе не быть правильно построенным.
- 6 В данном случае предполагается холизм в отношении значения, поскольку говоря о языке отдельно взятого говорящего, мы предполагаем некую целостность взаимосвязанных представлений данного говорящего об окружающем мире.
- 7 См.: Horwich P. Meaning. Oxford, 1998. 256 p.
- 8 Båve A. A. Deflationary Theory of Reference // Syntese. 2009. Vol. 169, № 1. P. 51–73.
- 9 На это указывал еще Б. Рассел, критикуя разграничение между (если использовать термины Г. Фреге) смыслом и значением в семантической концепции Г. Фреге (см.: Рассел Б. Об обозначении // Язык, истина, существование / сост. В. А. Суровцев. Томск, 2002. С. 7–22).
- 10 См.: Båve A. A. Op. cit.
- 11 О понятии «указывает*» см. ниже.
- 12 Båve A. A. Op. cit.
- 13 Horwich P. Op. cit. P. 115–130.
- 14 Horwich P. Op. cit. P. 120. Такой подход вполне согласуется с минимализмом относительно истины, так как понятие истины для непропозициональных носителей истинности определяется в рамках минимализма через пропозициональную истинность как свойство, которым обладают непропозициональные носители истинности тогда, и только тогда, когда они выражают некую данную пропозицию.
- 15 Ibid.
- 16 Имеется в виду английский термин «about», который в данном контексте трудно однозначно передать на русском языке.
- 17 См.: Båve A. A. Op. cit.
- 18 См.: Båve A. Deflationism : A Use-Theoretic Analysis of the Truth-Predicate. Stockholm, 2006. P. 134–149.
- 19 См.: Putnam H. The Meaning of ‘Meaning’ // Putnam H. Mind, Language and Reality. Cambridge, 1975. P. 215–271. По мнению А. Бавэ, дефляционные теории референции нейтральны по отношению к спору экстернализм/интернализм; более того, он полагает, что «пустым» является именно понятие референции, но не денотации. С помощью последнего можно, по его мнению, получить анализ того, на что указывает тот

или иной терм. В частности, если будет доказано, что люди, жившие в XVII в., имели убеждения о дводе и не имели убеждений о своде, то из этого будет следовать, что они использовали терм «вода» для того, чтобы указывать на дводу. Это, однако, не меняет ничего в споре экстерналистов и интерналистов, так как хотя вопрос о природе референции снимается, возникает новый вопрос – о природе денотации.

²⁰ См.: *Brandom R. Making It Explicit : Reasoning, Representing and Discursive Commitment.* Cambridge, 1994. P. 485–490.

²¹ Некоторые проблемы, связанные с переходом от *de dicto* к *de re*, рассматривались в одной из предыдущих статей (см.: *Ламберов Л. Д. Онтология, de dicto/de re*

и минималистская семантика // *Известия Уральск. гос. ун-та. Сер. 3: Общественные науки.* 2009. № 4. С. 5–11. Также особенности *de re* модуса исследовались в следующей работе: *Ламберов Л. Д. Референция, de re и объяснение действий // Известия Уральск. гос. ун-та. Серия 3: Общественные науки.* 2011. № 1. С. 5–13).

²² *Horwich P. Op. cit.* P. 121–122.

²³ Этот шаг представляет собой то же самое, что «*S* убежден относительно *b*, что оно является *f*».

²⁴ Как, например, в минимализме П. Хорвича.

²⁵ См.: *Ламберов Л. Д. Дефляционизм, контекстуальность и теория значения // Вестн. Томск. гос. ун-та. Сер. Философия. Политология. Социология.* 2011. № 4. С. 31–37.

УДК 165

ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ: ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ПОДХОД

Э. В. Ласицкая

Саратовский государственный университет
E-mail: elina8605@mail.ru

В статье рассматривается проблема познания с точки зрения эволюционной эпистемологии, эволюционной теории познания и конструктивистских идей Сантьягской теории познания. Анализ концепций показывает, что мир раскрывается через субъекта познания и в этом смысле познание и бытие оказываются тождественными.

Ключевые слова: познание, эволюция, мир, знание.

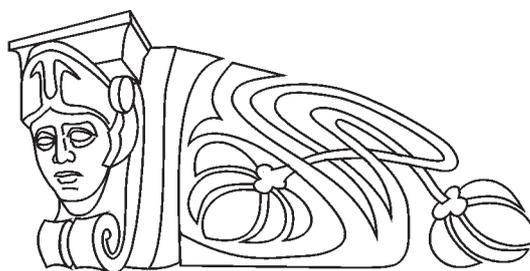
The Problem of Cognition: Evolutionary Approach

E. V. Lasitskaya

The article deals with considering the problem of cognition offered by evolutionary epistemology, evolutionary cognition theory and the constructive ideas of Santiago cognition theory. Analysis of these conceptions shows that the world is revealed through the subject of cognitions and from this point of view cognition and existence are identical.

Key words: cognition, evolution, world, knowledge.

Проблема познания интересовала людей с глубокой древности и решалась по-разному. Ядром современной постнеклассической парадигмы науки является глобальный эволюционизм, поэтому проблема познания рассматривается с точки зрения эволюции. Она выступает первичной онтологической сущностью, а когнитивный аппарат является следствием эволюционного развития. В результате столкновения живого организма и среды возникает необходимость приспособления к ней, что рассматривается как первичный когнитивный акт, поскольку этот акт

подразумевает получение определенного количества информации о ней.

Эволюционные представления о познании разделяются на два основных направления – эволюционную эпистемологию, развиваемую главным образом К. Поппером, и эволюционную теорию познания, основоположником которой выступает К. Лоренц. Оба направления похожи, так как опираются на идею эволюции, однако между ними существует и некоторое различие. К. Поппер применяет эволюционный подход, чтобы проанализировать механизм роста знания, появления научных идей, а К. Лоренц и его последователи исследуют субъекта познания и генезис его когнитивных способностей. Таким образом, внимание К. Поппера обращено на систему научного знания, а сторонников эволюционной теории познания как биологов – на живой организм и его познавательные структуры, выработанные в процессе эволюции.

Центральным понятием эволюционной эпистемологии К. Поппера является «проблема», решение которой осуществляется методом выдвижения пробных гипотез, устранения ошибок, и постановка следующей проблемы. Этот принцип является фундаментальным как для эволюции научного знания, так и для эволюции живых организмов от простейших до высокоразвитых форм. «Разница между амемой и Эйнштейном, – говорит Поппер, – заключается в том, что хотя оба используют метод проб и устранения ошибок, амeba не любит ошибок, а Эйнштейна они